

УДК 616.89
ББК 56.14
Л74

Ломброзо, Чезаре.
Л74 Любовь у помешанных : [перевод с итальянского] / Чезаре Ломброзо. — Москва : Алгоритм, 2018. — 304 с.

ISBN 978-5-906842-96-1

Можно ли в прямом смысле этого слова потерять рассудок от любви? Совершить преступление или умереть? Ответ очевиден. Или нет? Судебный психиатр и криминалист Чезаре Ломброзо на страницах этой книги предлагает свое видение любви как формы безумия. На примере изученных им историй болезни он доказывает свою позицию.

УДК 616.89
ББК 56.14

ISBN 978-5-906842-96-1

© Переводчики: Г. Гордон, К. Тетюшинова,
С. Раппопорт, Н. Житкова, К. Толстой, 2018
© ООО «ТД Алгоритм», 2018

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Научно-популярное издание

Чезаре Ломброзо
ЛЮБОВЬ У ПОМЕШАННЫХ

Редактор *Е.О. Мигунова*
Художник *Б.Б. Протопопов*

ООО «Алгоритм»

Оптовая торговля:
ТД «Алгоритм» +7 (495) 617-0825, 617-0952
Сайт: <http://www.algorithm-izdat.ru>
Электронная почта: algorithm-kniga@mail.ru

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 21.02.2018.
Формат 84x108¹/₃₂. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,96.
Тираж экз. Заказ

ISBN 978-5-906842-96-1

9 785906 842961 >

СОДЕРЖАНИЕ

Любовь у помешанных	6
Прибавление	40
Женщина, преступница или проститутка	49
Любовь	49
I. Любовь у животных	49
II. Любовь у человека	55
История проституции	73
I. Стыд и проституция у диких народов	73
II. Проституция у исторических народов	82
Врожденные проститутки	110
Случайные проститутки	160
Преступность женщины	175
I. Преступность самок в царстве животных	175
II. Женская преступность у диких и примитивных народов	181
Врожденные преступницы	195
Случайные преступницы	243
Преступницы по страсти	263
Самоубийцы	283
Примечания	296

ЛЮБОВЬ У ПОМЕШАННЫХ

В психиатрических статистиках мы всегда можем найти порядочную круглую цифру сумасшествий от любви. Esquirol нашел между 1375 умалишенными 37 человек, потерявших рассудок от любви, 18 от ревности и 146 вследствие развратной жизни. Virgilio отметил между 1288 случаями умопомешательства 41 от любви и 17 от ревности; в другие годы он между 863 случаями нашел всего 18 от любви и 4 от распутства. У Descurel приходилось 114 таких случаев на 8275 умалишенных. Zanì нашел, что у женщин любовь оказывает влияние на умопомешательство в отношении 11:100, а у мужчин всего 4:100; но зато в неудачных супружествах отношение меняется: 17:100 у мужчин и 4:100 у женщин. В Венеции Figna между 615 умалишенными насчитал всего 1 случай от любви и 7 от развратного образа жизни¹; Adriani между 466 всего 7 от любви и 11 от половых излишеств.

Я, однако, думаю, что число действительных сумасшествий от любви значительно меньше того, которое указывают статистики. И действительно, за всю свою долголетнюю практику, в течение которой мне пришлось наблюдать много тысяч умалишенных, я едва могу насчитать дюжину таких случаев. Многие больные попадали ко мне с указаниями родных или близких, будто они загадочные жертвы любви, но когда я, опытный в такого рода делах, исследовал вопрос несколько глубже, то почти всегда убеждался, что дело шло не о страсти, а о похотливости, обманутом самолюбии или о физических и наследственных причинах, которые заставляли усомниться в тщательных этиологических разработках и измышлениях старых психиатрических школ.

Я знаю один только вполне ясный случай сумасшествия от любви. Дело касалось одного честного, храброго итальянца, брата полудиота, в жену которого он в короткое время страстно влюбился, и не без взаимности. Но однажды он нашел свое место занятым человеком, которого Италия считает между лучшими своими гражданами. Он не сказал ни слова и, не совершив никакой безумной выходки, с этого дня, как бы дав себе зарок, перестал говорить и весь ушел в себя; знаками указывал он на то, что ему было нужно, знаками давал понять, как больно ему всякое сообщение с людьми; вынужденный к тому, он произносил краткое словцо и снова хранил молчание. Таким образом он прожил 18 лет и умер, но даже в последние дни его жизни я напрасно силился вырвать у него хоть одну фразу, которая бы мне указала на источник угнетавшего его недуга. Это была форма меланхолии, которую я назвал бы молчаливой, а случай можно отнести к редким жертвам любви. В настоящее время (1881 г.) у Salemi Расе также находится в пользовании «бедная девушка, которой жених объявил, что не может жениться на ней; в тот же момент она поникла головой и наложила на себя печать молчания, которое длится и поднесь, а прошло с тех пор уже 15 лет. Она покидает свое место лишь для того, чтобы идти спать или подышать свежим воздухом на балконе; молча она принимает пищу и молча отвергает ее; молча она совершает прогулку и свой туалет, доказательством того, что не потухла, а лишь застыла, я сказал бы даже „окаменела“, эта благородная душа».

Между случаями сумасшествий от любви следует отметить случай филолога Александра Крудена², который, получив девятнадцати лет степень доктора теологии, влюбился в дочь одного своего соотечественника и с такой страстью выказывал ей свое чувство, что отец отказал ему от дома. Горе молодого человека было так велико, что он лишился рассудка. Спустя несколько лет он, по-ви-

димому, выздоровел и предпринял гигантское сочинение о согласии в Библии, напечатание которого доставило ему великий почет; но он не мог получить обещанной королевой поддержки вследствие ее смерти, и его болезненное состояние возобновилось. Поправившись, он напечатал странную книжонку, но затем стал корректором и проявлял лишь молчаливую печаль.

Однажды один приятель, желая развлечь Крудена, вздумал представить его одному негоцианту, не зная, что сестра последнего была именно той женщиной, к которой он питал такую фатальную любовь, и, к довершению беды, случилось так, что она первая встретила его при входе в дом. Увидя ее, он с криком «Это она!» бросился назад, тесно сжав руку друга; с тех пор он более не успокоился. Преследуемый мыслью, что его должны вознаградить за умопомешательство, он серьезно предлагал сестре и друзьям, вызвавшим его, заплатить ему вознаграждение и пойти на время в одну из тюрем Англии, которую сами изберут. Затем он вообразил, что получил от Бога миссию исправителя народных нравов и стал впоследствии печатать книги, которые раздавал на улицах; кроме того, он губкой стирал со стен безнравственные афиши и терзал министров, которые, если только они не страдали подагрой, при виде его быстро убегали. А между тем он сам не был свободен от эротических стремлений, и, когда одна мисс, которую он беспрестанно преследовал, удалилась из Лондона, чтобы избежать этих преследований, он отпечатал и распространил между путешественниками молитвы, чтобы она благополучно совершила свой путь.

Гораздо реже случаи сумасшествия от счастливой любви. Я знаю лишь один такой случай, сообщенный мне профессором Адрияни. «Один только раз мне суждено было, — пишет он мне, — наблюдать восемнадцатилетнюю милую, кроткую, нравственную девушку, которая, влюбившись в молодого человека ее возраста, дошла до

такой экзальтации, что всюду видела лишь жениха, шепчущего ей на ухо слова любви; она желала уйти от него и злилась, почему он ее удерживает; затем она оставила все занятия, отвергала пищу и не спала. При виде этой прекрасной девушки, одетой в белое, сдержанной и скромной, выпрямленной и неподвижной, как статуя пред балконом, с тихо поникшей красивой головой, сплетенными руками и ясным, спокойным взглядом, который меланхолически нежно терялся в небесной лазури, так и хотелось передать на полотно чистоту и прелесть ее страдания. А между тем я не стану уверять, что даже в этот момент чувственность не волновала это нежное существо».

Повторяю: случаи сумасшествия от любви крайне редки не потому, чтобы любовь действовала слабее всякой другой страсти, но именно потому, что сотрясение, вызываемое ею, так велико и внезапно, что, если оно не кончается самоубийством³, принимает ту форму острого расстройства, которое, вследствие своего быстрого течения, дает возможность избегнуть дома умалишенных.

Вот пример. Одна девица безумно влюблена в кузена, которому она была обещана; обыкновенные жизненные условия расстраивают свадьбу; девушка перестает говорить, не движется, не ест и лежит в постели, как бы сраженная молнией. На пятый день ей доставляют обратно возлюбленного, но слишком поздно: на шестой день она мертва.

Другая, едва убедившись в индифферентности к ней возлюбленного, заболела воспалением мозга и быстро умерла.

Следует упомянуть и о противоположных случаях сумасшествия, в которых первая супружеская ночь вызывала неожиданную меланхолию, или манию самоубийства, или полуэпилептические припадки с острым слабоумием. О таких случаях упоминают Верга⁴, Эскироль, Тозелли⁵.

И в таких случаях необходимо предрасположение с какой-нибудь стороны, которое заставляет проявиться

скрытое безумие. Шюле находит такой предрасполагающий момент в маточных рефлексах; но важной причиной также служит грубость некоторых мужей, а еще более — неудачные браки (Верга) и те общественные предрассудки, привитые латинской расе, которые делают для новобрачной переход из одного состояния в другое таким внезапным и новым. Тозелли указывает на гораздо более простую причину: холодные промывания для приостановления регул (см. примечание).

Но нас не столько интересует исследование, какое влияние оказывает любовь, как причина, на умопомешательство, сколько вопрос, как эта страсть проявляется у душевнобольных. И в этом отношении многие смотрят на вопрос неправильно. Публика, повторяя пословицу «Влюблен, как сумасшедший», полагает вместе с тем, что последние легко и часто влюбляются, в то время как можно сказать совершенно противное. Рассуждая так, можно предположить, что влюбленные одержимы хронической болезнью, в то время как любовь, по моему мнению, есть высшее проявление силы и здоровья как в человеческой жизни, так и в жизни растений и животных.

Но, помимо того, известно, что первый нравственный элемент, которого касается безумие, — именно привязанности. Вы сталкиваетесь с эгоизмом, доведенным до такой степени, которую наша фантазия едва могла бы вообразить себе. В то время как обыкновенный человек имеет потребность говорить, сообщаться с другими, делить их радости и страдания и ощущать их близость, душевнобольные избегают общества других и живут в молчании и изолированности, даже когда они группами заключены в одной и той же комнате, так что несколько больничных служителей могут сдерживать тысячи сильных больных. Эта потеря привязанности, в противоположность здоровому состоянию, проявляется у них в прямом отношении к близости кровных и родственных уз, так что они мо-

гут проявлять временную радость при входе нового лица или живо чувствовать еще любовь к родине или к дальнему родственнику, но они питают злобу и даже отвращение к сыну или жене, которые до болезни были единственным предметом забот в их жизни; чем сильнее была любовь до болезни, тем сильнее проявляется ненависть теперь, и проявляется в таких жестоких поступках и клеветах, которых не придумал бы самый ловкий и непримиримый враг. Это обстоятельство более, чем умственное расстройство (которое иногда отсутствует или является незаметно), отличает душевнобольного от здорового, так что я, чтобы убедиться, вполне ли выздоровел какой-нибудь больной, имею обыкновение по прошествии нескольких месяцев сближать его с прежними любимцами, и если я вместо сильной радости, которую в таких случаях проявляет здоровый человек, наблюдаю холодность, которая заставляет избегать, а не искать поцелуя, то я считаю этого пациента еще больным.

Немногие, напротив, выказывают преувеличенную привязанность; они покорны в обращении с домашними и боятся оскорбить их каким-нибудь пустяком; каждый раз они бросаются на колени, прося прощения за совершенные проступки.

Скверно положение тех странных влюбленных помешанных, которых романисты никогда не могли изобразить, ни даже великий английский поэт, с таким совершенством рисовавший на сцене характеры умалишенных, и которых я назову немymi влюбленными. Это мономаньяки, большей частью целомудренные, которые, не объяснившись с воображаемым возлюбленным существом, претендуют на взаимность. Вот один такой случай.

Фар., происходящий от длинного ряда эпилептиков и маньяков, но тем не менее хороший патриот и работник, проявлял такое скудное развитие чувства общечеловечности, что простоял в одной лавке с двумя мальчиками

целый год, не проронив ни слова, так что родители этих мальчиков отняли их оттуда из боязни, чтобы они не онемели. Целомудренный и подверженный продолжительным галлюцинациям, он однажды вообразил, что одна девица, у которой он покупал мыло и масло, влюблена в него. В свою очередь он также влюбился в нее, но так как в нем сочеталась трусость людей целомудренных с трусостью мономаньяков, то он был далек от мысли проявить в словах или жестах свою любовь, а хранил ее в душе и все время опасался, что малейшим движением обнаруживает ее, подобно тому как принимал за взаимность фразы и поступки, не имевшие с любовью ничего общего, например, если она говорила ему: это очень хорошее мыло; возьмите это масло; я вам ручаюсь за доброкачественность. Эти проявления ее страсти он считал такими серьезными, что они, по его мнению, способны были скомпрометировать его честь и честь девушки, и вот по прошествии целого года таких опасных ошибок, как он это называл, он решил завершить свое ухаживание браком и для этой цели попросил руки своей «возлюбленной» в письме столь же загадочном, как и прежнее его ухаживание. Когда бедные женщины открыли наконец глаза и ответили ему, что он фантазирует, он среди бела дня представился матери своей «невесты» с вопросом, желает ли она покончить, и когда та ответила, что ей неизвестно, чтобы у них было что-нибудь общее, он убил ее ножом, прорезав ей печень, и затем спокойный и невозмутимый покинул ее дом и возвратился в Милан. Наша бодрствующая полиция никогда бы и не вздумала ловить его, да никто и не заподозрил бы его в таком преступлении, если бы он сам не явился, чтобы предать себя в руки правосудия; даже после того некоторое время сомневались в его виновности — так безупречно было его прошлое и так неясно проявление его любви. Дело выяснилось лишь после того, как обратились к моей экспертизе, благодаря которой этот психопат,

смерти которого публика громко требовала, был переведен из тюрьмы в дом умалишенных, где он написал свою курьезную автобиографию и где, между прочим сказать, он, который был мне обязан жизнью, покушался с куском железа в руках на мою. Я упоминаю об этой частности, которая, по-видимому, должна гораздо более интересоваться меня, чем моих читателей, чтобы еще раз показать, что, если здесь непосредственной причиной кажется любовь, она все-таки была лишь толчком, случаем или предлогом для проявления, конечно, в слишком жестокой форме болезни, которая скрывалась в нем уже долгие годы, быть может, со дня рождения.

Это был первый представившийся мне случай немой влюбленности сумасшедшего. Другой подобный случай описал Морзелли с приложением автобиографии и стихов своего больного. Последний, увидев однажды издали из своей комнаты девушку, влюбился в нее, но ничем не проявлял своего чувства даже тогда, когда иногда в праздничные дни имел возможность приблизиться к ней; но вот однажды он вдруг открыл ей и публике свою скрытую страсть торжественной пощечиной в бальной зале, продолжая после того сыпать по ее адресу то кровавые обвинения, то любовные извержения, на которые ждал полнейшей взаимности.

Третий пример представился недавно мне и Перотти в лице 50-летнего крестьянина. Заболев в молодости пеллагрой, он эмигрировал в Соединенные Штаты и в течение пяти лет трудом успел накопить себе порядочный капитал, с которым он вернулся на родину, но вернулся не исцеленным от своей болезни. Эта старая болезнь и целомудрие, сохраненное им до пожилого возраста, превратились впоследствии в эротическое умопомешательство с бредом преследования. Впервые болезнь выразилась в том, что он сделал предложение одной богатой вдове, на взаимность которой рассчитывал, несмотря на то, что она

никогда до того не видела его. Предложение, конечно, не было принято, до того оно показалось нелепым. Он же вообразил и постоянно настаивал на том, что ее отец и дяди употребляют все усилия, чтобы он, отверженный, женился на ней, и затем, чтобы отомстить ему за его воображаемый отказ, публично оскорбили его, заставив одного скульптора снять с него бюст, в котором он выглядел бы на 30 лет старше; так оно длилось до тех пор, пока, встретившись однажды с этими лицами на улице, он три раза выстрелил в них из револьвера. Арестованный, он спокойно и невозмутимо заявил, что сделал это, чтобы избавить себя от нападок, которыми они мучили его с целью заставить жениться на той женщине, и тем восстановить ее честь.

Но есть еще более печальная форма такого сумасшествия, где чрезмерная любовь сменяется чрезмерной ненавистью, как, например, у Калигулы и Нерона.

У некоторых эта противоречивая форма психического расстройства проявляется периодически. Многие жены душевнобольных сознавались мне, что их мужья в известные дни месяца переходили от излишней нежности к крайней жестокости, прося после припадка прощения и сознаваясь, что они одержимы болезнью, заставляющей их ненавидеть того, кого они раньше обожали. Таковы были любовь и дружба Тассо, и таковы все его герои, которые быстро любят и перестают любить. Но это был гениальный маттоид.

С этой формой умопомешательства тесно соприкасается другая, чрезвычайно трагическая и грязная, где любовь смешана с жестокостью и развращенностью и где нельзя сказать, что преобладает: любовь или ненависть, такие нечеловечески-жестokie вещи она проявляет. И здесь самый редкий пример дает нам та фатальная семья Цезарей, которая как бы предназначена историей для того, чтобы показать, до чего может прийти и как может быть терпима человеческая жестокость.

Я наблюдал случаи, которые, если только это возможно, превосходили жестокости Цезарей. Один граф, который впоследствии оставил все свое состояние одному достойному ломбардскому городу, выдумывал для своей жены, которую очень любил, такие необыкновенные мучения, что они казались бы невероятными, если бы не были официально подтверждены. Он держал ее целые дни обнаженной и замкнутой в шкафу, передавая ей через отверстие самую скромную пищу, или приглашал трубочистов, чтобы они грубо надругались над нею, в то время как он для усиления бесчестия и издевательства бегал вокруг них, играя на скрипке.

Отсюда один шаг к той половой психопатии, которая жаждет крови (*sanguinaires*).

Гофман рассказывает об одном субъекте, которого проститутки называли палачом, потому что он имел обыкновение пред совокуплением мучить и убивать кур, голубей и гусей, и о другом, который в течение нескольких месяцев тяжело ранил 15 девиц в половой орган, удовлетворяя таким способом, как он сам сознался, свой половой инстинкт, который почти периодически пробуждался в нем и уже несколько раз доводил его до онанизма и до безнравственных поступков с мальчиками и мужчинами⁶.

Майнарди описывает следующий случай, где дело, однако, идет о полуидиоте. Некий Грасси воспылал однажды ночью страстью к своей кухне, но когда та воспротивилась его желаниям, он нанес ей ножом несколько ран в живот и тем же ножом убил отца ее и дядю, пытавшихся остановить его; прикрыв затем трупы, он пошел искать удовлетворения в объятиях жены одного сельского рабочего, которая была его любовницей; но не утолив своей жажды крови, он зарезал своего собственного отца и нескольких быков, стоявших в хлеву.

Другой психопат, Филипп, находил удовольствие в том, что душил проституток. «Я люблю женщин, — объ-

яснил он однажды, — но мне доставляет удовольствие душищать их после того, как я их употребил».

Жиль де Ретц, французский маршал, убил для удовлетворения своей гнусной похотливости более 800 юношей, ассоциировав сладострастие с какой-то странной религиозной чертой.

Маркиз де Сад находил наслаждение в том, что, обнажив проституток, бил их до крови и потом лечил их раны; это сладострастие, смешанное с жестокостью, было для него как бы идеалом наслаждения, для которого он составил целую теорию.

Бриер де Буамон рассказывает об одном капитане, который заставлял свою возлюбленную ставить себе пиявки к половым частям перед каждым соитием; это длилось до тех пор, пока у несчастной образовалась глубокая анемия и она отправлена была в больницу. Он же упоминает и о маркизе С., который, заставив своих лакеев связать проститутку, нанес ей несколько ран, после чего пытался изнасиловать ее.

Граф Застров⁷, 50 лет от роду, обладал довольно живым умом, так что составлял даже великолепные поэмы, но был тщеславен и склонен к экзальтации, сентиментальности, эксцентричности; так, например, однажды пытался вылечить раненого брата игрой на рояли и утешить тем же способом вдову, в то время как труп ее мужа лежал еще в постели. Мать его была *lipomaniaca*, отец его был эксцентриком, а брат его покончил самоубийством. Он сам занимался онанизмом с шестилетнего возраста и находил это занятие чем-то прекрасным и благородным; несколько раз уже он был арестован за то, что неожиданно нападал на мужчин различного возраста (от 14 до 70 лет) и, после нескольких любезных фраз, пытался обнажить их, чтобы мастурбировать с ними, оправдывая себя в стихах или в прозе следующим образом: «У меня сердце Евы и тело Адама, я не боюсь закона государства, лю-

бовь — закон всех законов, и самый великий и святой из поэтов сказал: любите друг друга». В последний раз он напал на пятилетнего мальчика и, тяжело укусив его в лицо и член, пытался задушить его.

Он был признан виновным.

От этих случаев мы переходим к той форме половой психопатии, которую в настоящее время наука отделяет от преступления и в которой любовь находит удовлетворение лишь в объятиях трупа, доходя даже до самого жестокого людоедства. Это — некрофиломания.

Georget рассказывает об одном полуидиоте, который, изнасиловав девушку, отгрыз ей часть груди и половых органов; известен также случай сержанта Бертрана, внука умалишенных прародителей, который восьми лет от роду возбуждал себя для мастурбации вырыванием внутренностей у животных; каждые 15 дней он страдал периодической головной болью, во время которой вид открытого трупа возбуждал в нем неукротимый аппетит истого антропофага. Много раз он ночью проникал на кладбище, выкапывал женские трупы, вырывал у них внутренности, наносил раны в шею и грудь, прорезывал суставы и, страшно вымолвить, находил величайшее наслаждение в прикосновении к наиболее разложившимся трупам.

Verzeni, происходящий от больной пеллагрой и кретинической семьи, с асимметрическим черепом, атрофированным с правой стороны, с чрезмерно развитой челюстью и правосторонней потерей фосфенов, задушил двух женщин и еще нескольких чуть не лишил жизни тем же способом из сладострастного удовольствия, которое он испытывал при обхватывании шеи своей жертвы, как он еще в детстве привык это делать с курами. Когда жертва была задушена, он рассекал ее труп, грыз ее члены и сосал ее кровь⁸.

После изучения всех этих случаев я не могу вполне признать справедливость приговора суда во Франции,